

няет меня в том, что различие это я не вижу или не хочу увидеть (стр. 129). Везде, где материал давал для этого повод, я отмечал это различие (см. в статье 1950 года — стр. 110, 112, 122 и др.). Есть только одно произведение той эпохи, которое, на мой взгляд, действительно близко напоминает нам «Слово о полку Игореве», — «Слово о погибели Рускыя земли». Но и его, конечно, мало для решения поставленного вопроса. Лично я думаю, что вопрос о художественном новаторстве автора «Слова» в полном его объеме не может быть решен только на материале одной древнерусской литературы. По мнению А. А. Назаревского, «воспринимать самобытное произведение гениального русского автора через сравнение с иностранными литературами» — «порочная и вредная традиция» (стр. 114). Не могу согласиться с этим. На фоне такого сравнения самобытность гениального русского автора только ярче и полнее обнаружится.

Где же, кем и когда могло быть произнесено «Слово о полку Игореве», если это произведение ораторское? — задает мне вопрос А. А. Назаревский (стр. 138). На вопрос этот за отсутствием материала не могу ответить, так же как не могу сказать с уверенностью, где, кем и когда произносились «слова» Кирилла Туровского или, допустим, «Слово о Лазаревом воскресении». История старинного красноречия, античного в частности, свидетельствует, что речи произносились далеко не всегда, а распространялись книжным путем наравне с другими литературными произведениями. В древней Руси могла иметь место та же практика: «слова» могли предназначаться для произнесения (в церкви или во время каких-либо приемов — один такой случай отмечен Ипатьевской летописью под 1200 годом), но могли и не предназначаться.

В заключение не могу не остановиться еще на одном утверждении А. А. Назаревского. По его словам, некоторые мои рассуждения по поводу Игоря в изображении автора «Слова» носят «характер известной подтасовки» (стр. 137). Примером такой «подтасовки», пишет А. А. Назаревский, является тот абзац в моей статье 1950 года, где я будто бы вопреки тексту «Слова» утверждаю, что Игорь «именно потому и потерпел поражение... что князья, занятые внутренними распрями, не объединяются для совместной борьбы с «погаными», предоставляя борьбу с ними личной инициативе того или иного князя, болящего за Русскую землю» (стр. 125). Строки эти со стороны А. А. Назаревского вызвали следующее замечание (стр. 137): «Да, ведь, как раз сам Игорь и уклонился от того объединения с другими князьями, которое было для него вполне возможно, именно он и другие участники неудачного похода „шли суть на половци утаившеся“ и „не воздержавше уности, отвориша ворота на Русскую землю“». Упрек в подтасовке я должен буду вернуть А. А. Назаревскому. Ведь приведенные им цитаты («утаившеся», «не воздержавше уности»), должествующие показать мою подтасовку, принадлежат не «Слову», а так называемой Киевской летописи. Возможно, летописец прав, и Игорь действительно пошел на половцев «утаившеся», — но какое отношение все это имеет к «Слову» и к моей интерпретации его? В статье я пытался установить, как автор «Слова» рисует образ Игоря. Художественный образ нельзя отождествлять с реальным прототипом этого образа. Реальный Игорь, быть может, и совершил дурной поступок, но автор «Слова» об этом умалчивает: он обвиняет Игоря только в том, что Игорь и его соратники поторопились, поспешили («рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати»). Возможно, я неправильно читаю текст «Слова», но тогда мне на это и следовало бы указать — на тексте же, не прибегая к такого рода неловким полемическим приемам, способным только запутать наш спор.